

КРЫША

ИЗ ХРОНИКИ ТРЕХ ДНЕЙ АВГУСТА

Вот и мы обзавелись новым трагическим символом. «Лебединое озеро» надолго станет нам напоминанием о путче, своеобразным «над всей Испанией безоблачное небо». Одно из совершеннейших творений русского и мирового искусства было «удостоено»... заплыть паузы между указами, обращениями и постановлениями, громившими по всем каналам телевизионных экранов от имени новоявленных спасителей Отечества.

Три дня наше внимание было приковано к Белому дому и подступам к нему. Понятно, это был эпизод, именно там разворачивались главные события. Но были и те, что происходили как бы в тени тех, главных. Нам еще предстоит осознать всю широту и продуктивность операции, начавшейся 19 августа, и ту участь, которая была уготована не только конституционным нормам, правам демократии и демократам, но и, возможно, нашим национальным святыням культуры, разнервись эта операция покруче и промедли сопротивление москвичей.

В то утро заместитель начальника команды вневидоментальной военизированной охраны (ВВСО) Большого театра Виктор Спиридонович Сорokin в 8 часов уже был в своем служебном помещении в пятнадцатом подъезде. А в 9 по Петровке, прямо под его окнами, к центру пошли танки.

— Раз, все подпрыгивает, стекла дребезжат... У нас и от потоков городского транспор-

та иногда плафоны трескаются, а тут все ходуном ходит... Через несколько минут он станет свидетелем, как на территории между Центральным детским и Большим начнут занимать позиции БМП и БТРы.

— Их было около сорока. Подразделение полностью укомплектовано. И зрящики горючего, и передвижки радиостанцией, и даже полевой кухней. Все блокировали. Но сразу видно — не москвичи: что ворота с Петровки есть — понятия не имеют...

Ему, человеку в прошлом военному, подполковнику в отставке, не надо было объяснять, что значит эти действия.

У 1-го подъезда, бесцеремонно смета его охрану, по наружной пожарной лестнице стали стремительно подниматься трое. Офицер и два солдата — в полном вооружении, с переносной ракетой и... ручным пулеметом.

Кто смотрит не только себе под ноги, но иногда и вверх, наверняка обращал внимание, как многоступенчатая крыша театра. У нее несколько уровней. Так вот, поднявшись на первый, военные оказались перед дверью, запертой изнутри. Но разве это преграда для прикладов? И они вошли в чердачные помещения, путь дальше вверх открыт.

Тут самый момент напомнить слова, которыми начиналось постановление № 1 ГКЧП: «В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР...» Вдума-

емся теперь, какими именно жизненно важными интересами нужно было руководствоваться, чтобы занять эту точку не безымянную высоту в центре столицы? И глубоко штатскому человеку, не говоря уж о военных, понятно, как стратегически удобно именно здесь расположить и наблюдательный пункт, и огневую точку, если... если народ выйдет на улицы. Нельзя же всерьез полагать, что все это приведено в боевую готовность ради защиты старинного белоколонного здания. Да и от кого?

Нет, мы зря теперь, задним числом, иронически говорим о неудачности путчистов: мол, и этого не смогли! Задумано было масштабно. И въезды в город блокированы, и танки с БТРами шли, зная точные координаты — кому Белый дом, кому Моссовет... У каждого был свой маневр. У тех, кто был у Большого театра, тоже.

Ну что толку от «усиленной охраны», что расставил внутри верногого ему здания Виктор Спиридонович, — у каждого подъезда и на главной сцене по два человека: название грозное (военизированная охрана), а оружия-то никако-

го. И потому его главной задачей стали переговоры. Не раз он был остановлен окриком патрульных: «Назад!» Не раз молча отодвинут за ограждение, пока наконец не добился: подошел офицер, сказал, что он командир полка, а вот имени своего не назвал.

Диалог получился не длинный:

— Ради бога, прошу вас — что вы делаете?.. Одна граната, горячая гильза, да что гильза — окурки... и театра не будет. Сгорит театр. Я категорически против размещения солдат во внутренних помещениях здания. И еще: я прошу вас убрать технику из-под навеса...

— Это мое хозяйство, — был ответ, — и мои люди будут делать то, что мне надо... Машины будут стоять, где стояли.

Знаете, о чем речь? О галерее старинной постройки на изящных чугунных столбиках, что тянется слева (справа по Петровке тоже) вдоль здания. Около 200—250 военных было тогда у ГАБТа: обосновались на крыше, другая группа заняла 1-й подъезд, а в 15-м расположилась связь — человек пятнадцать с двумя телефонами...

А в театре шла работа. Его готовили к открытию сезона. Триста человек занимались ремонтом электрооборудования, сценой, механикой и машинерией. Чистили, мыли, прибивали. Когда к обеду пришла машина с продуктами, чтобы в столовой можно было накормить людей, ее к зданию не пустили. Трижды заместитель генерального директора ГАБТа Алексей Алексеевич Сафронов пытался договориться об этом. Впустую.

Его следующий рабочий день, 20-го, начался на Арбате. Наутро министр культуры СССР Н. Губенко пригласил руководителей крупнейших учреждений культуры и искусства Москвы. Он не мог анести явность, что с Президентом, где он (да и кто, кроме заговорщиков, мог тогда это сказать?), но министр четко и ясно сформулировал задачу: что бы ни происходило, должна быть обеспечена сохранность всех культурных ценностей. От любых случайностей, от любых проявлений вандализма.

Вот тут-то Сафронов и доложил министру о том, что происходит с Большим театром.

Очевидцы говорят, первое,

что сделал Губенко, вернувшись в свой кабинет, нашел красного цвета довольно пухлый телефонный справочник. Искал букву К. Из указа, изданного накануне, уже было известно, кто стал комендантом Москвы. Не будем гадать, была ли для генерал-полковника Калинин ситуация с театром полной неожиданностью, но, выслушав требование немедленно убрать оттуда солдат, ответил коротко: «Разберусь».

Не пересказывая всего, что еще происходило в те дни у ГАБТа. Как не пускали на площадь у здания ремонтников, требовавших открыть люки (на них стояла военная техника), чтобы проверить коллекторы, в которых упало давление, а значит, возможно, что залетят и подтопят помещения. Как офицеры срывали со стендов для эфис обращения Ельцина и листовки с указами правительства России. Как трудно было уговаривать, буквально молить, чтобы соблюдался противопожарный режим... Но, кроме природных богатств, огромными культурными ценностями. Мы получили в наследство музеи, полные предметов, возвышающих душу, здания дивной красоты, библиотеки, полные уникальной литерату-

даже сказал: я понимаю. Комендант ги «разобрался» или что-то изменилось в общей ситуации, но крыша уже «угрозы» не представляла. Солдат с пулеметом и ракетой оттуда сняли...

А утром 21-го в Большом театре была экскурсия. Для тех же солдат и офицеров. Дирекция и командир воинского подразделения договорились, что будет три группы. Вернее сказать так: командир сам пришел и попросил об этом. Давайте осмыслим и этот факт. Он тоже по-своему красноречив, по-своему говорит об армии и ее людях. Или о том, как само по себе существование прекрасного на земле — будь то архитектура, живописное полотно, великие творения великих мастеров — может выпрашивать в человеке человека.

Первое, с чего начала архитектор Алевтина Иванова Кузнецова, работающая в Большом театре сорок семь лет, эту экскурсию, были слова Луначарского, с которыми он обратился когда-то к солдатам, рабочим, крестьянам, ко всем гражданам России: мы получили страну, разоренную войной, она обнищала, но все это проходящее, ибо она богата неисчерпаемыми природными богатствами и, кроме природных богатств, огромными культурными ценностями. Мы получили в наследство музеи, полные предметов, возвышающих душу, здания дивной красоты, библиотеки, полные уникальной литерату-

ры... Сохранять и пополнять это культурное наследие — долг каждого из нас. Сказала не по бумажке — как говорила. И добавила: еот что говорили в революцию и что говорили я вам сейчас.

Она повела их по белоснежной мраморной лестнице фойе, где в тот момент почему-то особенно нелепыми ей показались их воинские доспехи, а скуластые, смуглые лица как будто побледневшими. Ей было и жаль этих мальчишек, и одновременно стыдно за те три дня, на которые их обрекли. В зале для них зажгли свет. Он был прекрасен, но все равно не так, как бывает, когда заполнен до краев сначала сдержанно-возбужденными голосами зрителей, потом тишиной, потом музыкой. Бог весть, удастся ли им самим когда-нибудь пережить такие минуты.

— Что-нибудь еще вы сумели им здесь показать? — спросила я.

Алевтина Иванова сказала: — Грашина. В Бетховенский зал я их не повела. Не могу объяснить почему, может быть, потому, что на них были сапоги...

Две следующие экскурсии не состоялись.

В 13 часов военных, как ветром сдуло. К работе приступили ремонтники: у них заботы все те же — теплотрасса, коллекторы, возможно, и крыша. Будни.

Маргарита СМЕРНОВА.